

**ПАМЯТНИКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ
ИЗ АРМЯНСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГИЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ**

П. М. МУРАДЯН

Зимой 1983 г. в Государственном Эрмитаже была организована выставка византийской скульптуры из собраний государственных музеев Берлина. Каталог выставки составлен директором раннехристианско-византийской коллекции Арне Эффенбергером (редактор А. В. Банк) и содержит как подробное описание экспонатов с публикацией их фотокопий, так и библиографию предмета. Здесь нас интересует судьба двух экспонатов этой выставки—рельефных икон Богоматери и архангела Михаила, которые были обнаружены в армянской церкви св. Георгия в Константинополе¹.

Чтобы выяснить вопрос о том, когда именно и в силу каких обстоятельств эти памятники оказались вделанными в стену агиасмы армянской церкви св. Георгия, нужно проследить историю обители Богоматери Перивлепты во второй половине XV века. До захвата Константинополя турками армяне столицы жили преимущественно в квартале латинян—Галата-Пера, где имелись армянские церкви². Жили они и в квартале Кеçіsei Santğ близ Эдирне-капы, где также имели свою церковь³. В 1453 году их постигла, несомненно, та же участь, что и греков. Чтобы заселить опустошенный город, Мехмед II предпринял насильственное переселение из завоеванных городов и поселений как азиатской части своего владычества, так и европейской. К 1478 г. в городе жило 9486 семей мусульман, 3743—греков, 1647—евреев, 817

¹ Их описание и фотокопии см.: Памятники византийской скульптуры (каталог выставки). Л., 1982, с. 42—44.

Исторические последствия захвата турками Константинополя, одного из крупнейших центров средневековой мировой культуры, достаточно хорошо известны, и едва ли есть необходимость говорить о тех политических, экономических и этнических изменениях, которые произошли под влиянием этого катастрофического факта. Большое количество греческих, латинских, русских, армянских, грузинских и турецких первоисточников позволило ученым обстоятельно разобраться как в причинах и предпосылках, так и в самом процессе и последствиях падения Константинополя. Из многочисленных публикаций, монографий и статей, посвященных исследованию этого события в разных аспектах, следует упомянуть хотя бы специальный выпуск «Византийского временника» (VII. М., 1953), двухтомную основательную книгу А. Пертузи (La caduta di Constantinopoli. Le testimonianze dei contemporanei, testata a cura di Agostino Pertusi. 1976), монографию С. Рансимена (St. Runciman. The Fall of Constantinople in 1453. Cambridge, 1969; русский перевод: С. Рансимен. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983), работы К. С. Кекелидзе (Ե. Կեքելժե օժժ. Եժիւղժեքի ժժժժ խժժժ լաժժժժժժժժ ռիժժժժժժժժ, Ե. III, տժ. 1955 ճժ. 87—95), А. С. Анасяна (Հ. Մ. Անսան. Հայկական աղբյուրները Բյուզանդիայի անկումն ժժժժն. Երևան, 1937).

² См. Հայկի Պերպերյան. Իսթանպուլի ո. Սարգիս եկեղեցիները.—«Սիրոն», 1961, հոկտ.-նոյ. էջ 290—291, его же: նյութեր Կ. Պոլսո հայոց պատմության համար. Վիեննա, 1965, էջ 25:

³ В 1519 г. церковь лежала в развалинах, см. Հ. Պերպերյան. նյութեր..., էջ 25:

армянских семей, 267 семей переселенцев из Кафы, 332 семьи европейцев и 31—цыган⁴. Как видно, за 25 лет владычества турки успели в корне изменить этнический состав города, что и положило начало превращению церкви в джаму. До последнего времени считалось, что в 1461 г. в Константинополе был учрежден армянский патриархат и в качестве резиденции ему была передана обитель Богородицы Перивлепты, но арменист А. Берберян доказал, что патриархат образован между 1526 и 1543 годами⁵, а церковь Перивлепты перешла в руки армян между 1461 (начало переселения армян относительно большими группами) и 1480 (с этого года имеются колофоны переписанных в церкви рукописей) годами.

В 1479 г. насильственно переселенный в Константинополь писец-инок Мартирос в обители Богородицы Перивлепты застал армянских архимандритов Маттеоса Севастийского и Абраама Трапезундского, депортированных в столицу в 1461 г. В продолжении колофона читаем: «Написана сия [рукопись] в лето 1480, 8-го июня в знаменитой резиденции императоров—Стамболе, под сенью св. Богородицы Чархалан (т. е. Перивлепты,—П. М.). О святые читатели, в пречистых молитвах ваших помяните также врача Амирдовлата—получателя сей [рукописи] на свои честные средства на радость добрых своих сыновей... Помяните также нашего викария (*Էրեւմիտիան*) господина Астуацатура и супругу его Тавусхатун, которые обращаются с нами как родители и ежедневно два раза готовят пищу для нас пятерых...»⁶ Писец упоминает также дьякона Саака (тот неоднократно приносил ему пергамен), как и соотечественников своих, инока Казара и монаха Степаноса, наставником же их был упомянутый архимандрит Маттеос. Таким образом, к 1480 г. обитель еще носила имя Богоматери и в ней находилась довольно большая группа монахов-армян. Исходя из этого факта и последующих неоднократных упоминаний, арменист А. Берберян вполне основательно опровергает существующее в специальной литературе мнение, будто греческий монастырь Перивлепты передан армянам султаном Сулейманом в 1543 или Ибрагимом в 1643 году⁷. Это событие он датирует промежутком между 1461 и 1480 гг. Однако в литературе все еще говорится о том, что «церковь Перивлепты оставалась у греков до середины XVII века, когда султан Ибрагим передал ее армянам, чтобы угодить своей любимой жене-армянке, известной под именем Шекерпарче («Кусочек сахара»)»⁸.

Обнаруженное английским ориенталистом С. Броком описание достопримечательностей Константинополя, в которых хранятся мощи святых, составленное армянским пилигримом не позже февраля 1434 г., существенно осложняет вопрос датировки перехода церкви Перивлепты от греков к армянам, что означало переход от диофизитства к монофизитству. Тут в описании Перивлепты сказано: «И монастырь наш, име-

⁴ Там же, с. 50—52.

⁵ Там же, с. 114—115.

⁶ Полный текст колофона см.: *Փծ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, ժամն Էրզրորի (1451—1480 թթ.), կազմեց Լ. Ս. Խաչիկյան. Երևան, 1958, էջ 441—442.*

⁷ Из армянских авторов такого мнения придерживались Еремия Кёмурчян, Саргис Иоаннисян и Л. Инчичян, из греческих—А. Паспатис и греческий патриарх Константинополя Константин (последний датировал это событие 1643 г., связывая его с легендой о возлюбленной султана Ибрагима, 1640—1648 гг.—армянке). Обо всем этом см. *Հ. Պերպերյան. Նյութեր..., էջ 114—122.*

⁸ С. Рансимен. Указ. соч., с. 173.

нуемый Пирилфтаном. Там находится деонича Иоанна Крестителя, там же хранится вся десница св. Григория Чудотворца. Из-под монастыря вытекает сладкая вода»⁹. Издатель склонен полагать, что либо армяне обосновались здесь до 1434 г., и это были армяне-халкедониты, либо слово «наш» является интерполяцией переписчика рукописи при последующем копировании. Предпочтение он отдает второму предположению¹⁰, но реалии текста не позволяют согласиться с С. Брокком: если писец идентифицировал обитель, исходя из реальной действительности периода армянской принадлежности, то почему он ее называет «Пирилфтаном» (т. е. Перивлептой), а не церковью св. Георгия?

В истории православной церкви известны случаи, когда один из приделов крупного культового сооружения принадлежал или был отведен приверженцам иного христианского исповедания. Так, армяне имели «свою долю» в храмах св. Софии в Киеве, где сохранились надписи пилигримов-армян, и Василия Блаженного в Москве¹¹. Едва ли резонно полагать, что армянская община Киева и Москвы была более сильной и многочисленной, чем в Константинополе, где в период захвата города турками функционировали по меньшей мере две собственно армянские церкви—св. Стефана и св. Николая, в которых написаны рукописи 1459 и 1478 гг.

Наличие часовни-придела монофизитского исповедания в церкви Перивлепты вполне могло послужить основанием для пилигрима назвать обитель «нашей». Косвенным доказательством сказанного нужно считать факт нового посвящения обители после ее перехода к армянам. В приведенном выше колофоне 1480 г. монастырь именуется «Чархабан сурб Астуацацин», т. е. «Богородица Перивлепта», но в записи 1493 г. встречаем совершенно иное название—«Сулу монастырь св. Георгия Победоносца»¹². В двух других колофонах, датированных 1495 годом, обитель именуется двояко—«под сенью св. Богородицы, именуемой ныне Сулу монастырь» и «в храме св. Георгия, называемого Сулу монастырь»¹³. Напрашивается вывод, что до 1490-х годов греки и армяне сохраняли традиционное название церкви—св. Богородицы, турки же предпочли именовать ее «Сулу монастырь» (т. е. монастырь на воде, или обильный водой монастырь), так как там имелся родник, о котором упоминает автор описания 1434 года (это традиционный способ образования топонимов с помощью суффикса *-лу*, ср. Хамамлу, Кечарлу и т. д.). Но что побудило армян дать монастырю совершенно новое имя—св. Георгия?¹⁴ Как правило, подобные изменения происходили при существенном обновлении культового сооружения, при новом строительстве, что в данном случае не имело места. Объяснение можно найти исходя из вышеприведенного предположения, что до захвата города турками в церкви Перивлепты армяне имели свой придел, посвященный св. Георгию; после того как они стали полновластными обла-

⁹ Sebastian Brock. A Medieval Armenian Pilgrims Description of Constantinople.—REArm. IV (1967), p. 88.

¹⁰ Там же, с. 82.

¹¹ См. Л. Խ ա շ ր ի Վ յ ա ն. Հ ա յ լ ե ո ո ՚ չ Ի ն ՚ Մ ս ս Վ զ ա յ ո ս թ և Մ ս ս Վ զ ա յ տ ա ն ի ո ղ ա ն ա ղ ա ղ ր ճ Եր լ ի լ ղ ր.—«Քաներկր Մատենադարանի», № 13, Երևան, 1980, էջ 52—53, 83:

¹² Հ. Պ Ե Ր Ս Ե Ր Վ յ ա ն. Ե յ ո լ Ք Ե Ր..., էջ 116—117:

¹³ Там же, с. 137, 139.

¹⁴ История церкви св. Георгия представлена в книге П. Карапетяна «Пятисотлетнее прошлое церкви св. Георгия Саматии» (К-поль, 1935, на арм. языке), которая, к сожалению, нам недоступна.

дателями всего культового сооружения и вновь освятили его, они перенесли это посвящение на всю обитель. Во всяком случае, начиная с 90-х годов XV века этот храм известен под новым названием—св. Георгия.

В 1896 г. в агиасме этой церкви было обнаружено своего рода собрание памятников византийской скульптуры, состоящее из четырех самостоятельных единиц—доска мраморного саркофага с изображением Христа в центре и двух апостолов по сторонам, две рельефные иконы, Богоматерь и архангел Михаил, и еще икона «Богоматерь—Животворный источник», хранящиеся ныне, как было отмечено, в музеях Берлина и частью выставленные в Эрмитаже (две иконы—Богоматерь и архангел Михаил). Честь открытия принадлежит директору Русского Археологического института в Константинополе, известному византисту Ф. И. Успенскому, первым же их исследователем стал Д. В. Айналлов¹⁵.

В специальной литературе высказано предположение, что обнаруженные вместе образцы византийской скульптуры созданы в разные эпохи и, вероятно, принадлежали разным культовым центрам столицы. По мнению автора каталога выставки в Эрмитаже, «Икона «Богоматерь—Животворный источник»... могла принадлежать церкви св. Стефана, которая упоминается в надежных источниках уже в конце V века. По соседству должна была располагаться и церковь Богоматери Перивлепты, сооруженная при императоре Романе III Аргире в 1031 году. Поэтому можно предположить, что обе рельефные иконы происходят из этой церкви, которая пользовалась покровительством императоров вплоть до палеологовского времени. Вероятно, первоначально существовали три однотипные иконы, которые составляли общую иконографическую программу, а именно: Михаил, Гавриил и Богоматерь. Такая композиция нам известна по некоторым мозаикам (например, в Чафалу)»¹⁶. Насколько правдоподобно предположение о принадлежности иконы «Богоматерь—Животворный источник» церкви св. Стефана, трудно сказать, но две другие иконы никак не могли находиться в обители Перивлепты, ибо в таком случае они должны были быть расположены на своем изначальном месте в самом храме, а не в агиасме. Эти святые почитались и армянской церковью, а обитель Перивлепты, как мы убедились, спустя одно-два десятилетия после падения города была отдана армянам.

По определению Д. В. Айналлова, в изображении Христа на доске мраморного саркофага «нос, губы, частью глаза стерлись, по всей вероятности, от долгого пребывания среди мусора, прежде чем рельеф был вделан в стену агиасмы»¹⁷. Судя по всему, периодом «долгого пребывания среди мусора» являются 1453—1480-е годы, после чего памятники были собраны и спасены помещением в стену. Доказательством намерения новых владельцев обители создать определенную композицию из образцов разновременных и даже разного размера является то, что доска мраморного саркофага оказалась шире намеченного места, и составителям композиции пришлось отпилить ее левую часть, почему ныне недостает «одной колонки и части фигуры»¹⁸. Какие именно

¹⁵ Д. В. Айналлов. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900, с. 160—164.

¹⁶ Памятники византийской скульптуры, с. 42.

¹⁷ Д. В. Айналлов. Указ. соч., с. 161.

¹⁸ Там же, с. 160.

соображения заставили монахов-армян поместить почитаемые ими изображения Христа, Богоматери, архангела Михаила в подвале церкви, а не в ней самой? Тут возможны два предположения: либо опасность их обнаружения и уничтожения турками еще не миновала (в первые годы после перехода церкви к армянам), либо причиной были какие-то конфессиональные соображения (памятники являются предметами культа православных греков). Так или иначе, важен факт спасения замечательных образцов византийской скульптуры. «Нам известны описания художественных сокровищ Константинополя, его памятников, статуй, дворцов, храмов и картинных галерей, но от этого богатства не осталось почти ничего»¹⁹, а благодаря усердию армянских церковнослужителей—«приверженцев армянской ереси», как их именовали греческие служители культа,—церковь св. Георгия сохранила несколько таких образцов.

ՔՅՈՒԶԱՆԴԱԿԱՆ ՔԱՆԳԱԿԱԳՈՐԾՈՒԹՅԱՆ ԸՈՒՇԱՐՁԱՆՆԵՐ
ԿՈՍՏԱՆԴՆՈՒՊՈԼՍԻ ԸԱՅՈՑ Ս. ԳԵՎՈՐԳ ԵԿԵՂԵՑՈՒՄ

Պ. Մ. ՄՈՒՐԱԴՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

1896 թ. բյուզանդագետ Ֆ. Ի. Ուսպենսկու պրպտումների շնորհիվ Կ. Պոլսի հայոց Ս. Գեվորգ եկեղեցու նկուղային հարկում հայտնաբերվեցին բյուզանդական քանդակագործության մի քանի նմուշներ: Որոշ ժամանակ անց, այդ հուշարձանները տեղափոխվեցին Գերմանիա և այժմ պահվում են Բեռլինի պետական թանգարաններում: Ըշգրտված է, որ հիշյալ նմուշները նախապես գտնվելիս են եղել Կ. Պոլսի պաշտամունքային տարբեր կենտրոններում և ի մի են հավաքվել 1453 թ. առհավիրքներից հետո: Ս. Գևորգ եկեղեցու նկուղում հայտնվելու և պատի մեջ ազուցվելու շնորհիվ նրանց փրկվելու հանգամանքները մնում են չբացահայտված: Տարալեզու և այլաբնույթ աղբյուրների ուսումնասիրությունից պարզվում է, որ բյուզանդական Չարիափան ս. Աստվածածին (Պերիվլեպտա) վանքը հայոց սեփականություն է դարձել 1461 թ. հետո, բայց 1480 թ. ոչ ոչ, երբ այնտեղ արդեն միաբանություն կար և ձեռագրեր էին ընդօրինակվում: Գեոևս հունական պատկանելության շրջանում (1434 թ. առաջ) միաբնակ հայերը վանական այս կենտրոնում ս. Գևորգ խորան պիտի ունենային, որի թելադրանքով հայազգի անանուն ուղեգիրը այն կոչում է «վանքս մեր»: XV դարի 80-ական թթ. այս վանքը հայտնի է «Սուլու մանաստիր» կամ «Ս. Գևորգ» անուններով: Դ. Ալնալովի արդարացի կոահմամբ, մինչև այստեղ ապաստանելը բյուզանդական քանդակները վայրագության ու անտիրության են մատնված եղել, մասամբ կոտորատվել ու աղարտվել են: Նկուղային հարկի պատի մեջ ազուցվելը անպատշաճ է, որ հայերը ջանացել են թաքցնել դրանք՝ վերահաս մոլությունից փրկելու համար: Միաժամանակ փորձ է արվել տարբեր շափ ու կիրառություն ունեցող մարմարյա քանդակները հարմարեցնել միմյանց և ըստ կարելույն կոմպոզիցիա ստեղծել: Ըույների հետ միաժամանակ և հույներից ոչ պակաս արհավիրքներ տեսած պոլսահայերը, հակառակ դավանական քաջքույնների, միջոց ոչ հնար են գտել փրկելու բյուզանդական քանդակագործության մի քանի նմուշներ, որոնք այսօր պիտական առանձնակի հետաքրքրություն են ներկայացնում:

¹⁹ Там же.